

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

На закрытой веранде живописно запущенного загородного дома пожилой человек в джинсовой куртке курит сигарету и рассеянно смотрит на подступающие к окнам старые ели. Вокруг стоит унылая тишина, изредка прерываемая лаем собаки и скрипом старенькой двери. На деревянном столе, покрытом затертой клеенкой с оттопыренными краями, разбросаны мелкие подмоховые яблоки. По углам стоят древние сундуки да разнокалиберные банки с огурцами и помидорами. Пахнет сыростью и травами. И уж совершенно нелепо на этом умиротворенном фоне смотрится светящийся экраном компьютер — орудие труда хозяина дома Бориса Васильева. Писатель живет на даче с женой Зорей Альбертовной вот уже почти 30 лет. Иногда навещается сын Петр и приезжают из Германии 12-летняя внучка Нина вместе с невесткой. Недавно Борис Львович закончил свою последнюю повесть "Глухомань" о жизни маленького Богом забытого городка. А сейчас пишет исторический роман "Княгиня Ольга".

— Я привык к даче. Живу здесь круглый год. Хорошо, тихо, не суетно. По утрам гуляю по лесу. Отсюда никто не может меня вытащить на модные нынче презентации. Я всегда могу сослаться на то, что не успею приехать. Вы понимаете, определенная замкнутость нужна. Не знаю, как другие писатели, а я довольно долго ношусь со своими идеями. А для этого требуется тишина. Будучи народным депутатом, я жил в Москве. Вот недавно приглашали в Госсовет войти. Я отказался. Не стоит суетиться. Я провинциал. Родился в Смоленске, а рос неподалеку, в Высоком — имении мамино отца Ивана Ивановича Алексеева, известного народника, сидевшего в "Крестях". Ему как пострадавшему от царизма выдали на дом охранную грамоту.

— Этот дом сохранился?

— Нет. Во время войны его весь разнесло. Так и не отстроили. Ничего там нет. Остались лишь груды щебня да липовая аллея, где я учился ходить. Я навещался в Смоленск в 1945 году, как только война закончилась, буквально на несколько дней. Тут как раз тетя моя приехала из Германии, куда ее угнали. Нужно было ее вытаскивать оттуда, спасать от разных проверок.

— Борис Львович, говорят, вы пережили какое-то страшное ранение?

— Как же, в контузии лежал. До сих пор плохо слышу и запинаюсь иногда. Меня сильно швырнуло под Вязьмой. 16 марта 1943 года нас подняли ночью по тревоге. Все обратили внимание, что выдают комплекты не учебные, а боевые. Мы сразу поняли: "О, ребята, все, поехали". Погрузили нас на "Дугласы" и сбросили в районе Вязьмы. Очень хорошо помню — врезалось в память: там Вязьма горит левее, а здесь речка замерла и контрскарп, вырытый еще нами. Приземлились хорошо. На свисток командира я добежал до контрскарпа. Только за него завернул — вспышка, и больше ничего не помню. На растяжку налетел. Кто ее поставил — наши или немцы, — неизвестно.

— Как вас спасли?

— Очнулся за какой-то машиной. Ребята вытащили. Как — не знаю. Так до июня и валялся в госпитале в Костроме. Сначала не соображал ничего, потом с трудом, но заговорил. Как негодного к фронту меня оставили при коммандатуре. И уже оттуда я перебрался в Москву, где поступил в бронетанковую академию.

— На фронт пошли добровольцем?

— Да, сразу после школы. Приписал себе лишний год. Я был очень ярким комсомольцем — заместителем секретаря комсомольской организации школы. Когда война началась, секретарь уехала к родным, и я остался за нее. Мы ведь в то время готовились к войне. У нас существовали комсомольские пятёрки, чтобы собираться по звонку. Все знали, что война будет. Просто немцы ударили первыми, вот и вся разница.

— А могли бы и мы удариť первыми?..

— В этом я не сомневаюсь. Я проверил это на собственной жизни: мы готовились к войне. Сужу и по отцу, который работал без выходных, не выезжая из полка. Его звали Лев Александрович. Он был еще царским офицером — в чине поручика командовал ротой в Первую мировую войну. Я его как-то спросил: "Как это ты, золотополонник, рискуешь перейти к красным?". Он ответил: "Ты понимаешь, я со своей ротой воевал с самого начала. Рота постановила идти бороться за советскую власть. Ну и я с ними".

— Его не сажали?

— Посадить — посадили. К счастью, в 1939-м. Не слишком расстрельный был год. Он тогда уехал на Дальний Восток инспектировать войска — и пропал. Мы с мамой и сестрой в это время жили уже в Москве. Вдруг к нам приходит какой-то офицер и говорит: "Мы вам взяли билет до Воронежа, вы должны туда переехать". Потом выяснилось, что Воронеж — место ближайшей ссылки для семей репрессированных. Но через полгода отца освободили.

— А ваша мама чем занималась?

— Была домохозяйкой. Она происходила из известной дворянской фамилии Алексеевых.

— Как же вы — дворянский сын — стали ярким комсомольским активистом?

— Одно другому не мешает, да и в нашей семье никогда не вели никаких особых политических разговоров. Отец прерывал их с самого начала. Перешел — значит, перешел и изволь слушать. Так что никакого настроения "против" у меня не существовало. О своих родителях я особо не распространялся. О чем говорить в те времена не следовало, я очень хорошо выучил. Мне казалось, что действительно мы строим очень справедливое общество. Тогда я переживал некий период лидерства. Правда, потом, после контузии, я понял, что уже не лидер.

Хотя родителей, конечно, моя будущность беспокоила. Скажем, после школы я мечтал поступить в институт, но отец сказал: нет, пойдем в техникум. Происхождение мешало в высшее учебное заведение попасть.

— А когда поступали в бронетанковую академию, вас не проверяли?

— Нет, ну что вы: я с 1941 года в армии, окрестности, вышел оттуда с комсомольским билетом и личным оружием, в плену не был ни единого дня. Мне повезло, потому что я в свои места упал — под Смоленск. Помню, отец меня маленького каждое воскресенье возил на машине по окрестностям — готовил будущего офицера.

— Получается, "Офицеры" — биографическое произведение?

— В большей степени — да. В герое моего, к сожалению, покойного друга Жоры Юматова присутствуют отцовский характер. Жора даже попросил у меня фотографию отца и сделал такой грим, чтобы походить на него.

— Почему же вы, выходец из потомственной офицерской семьи, пошли вдруг в писатели?

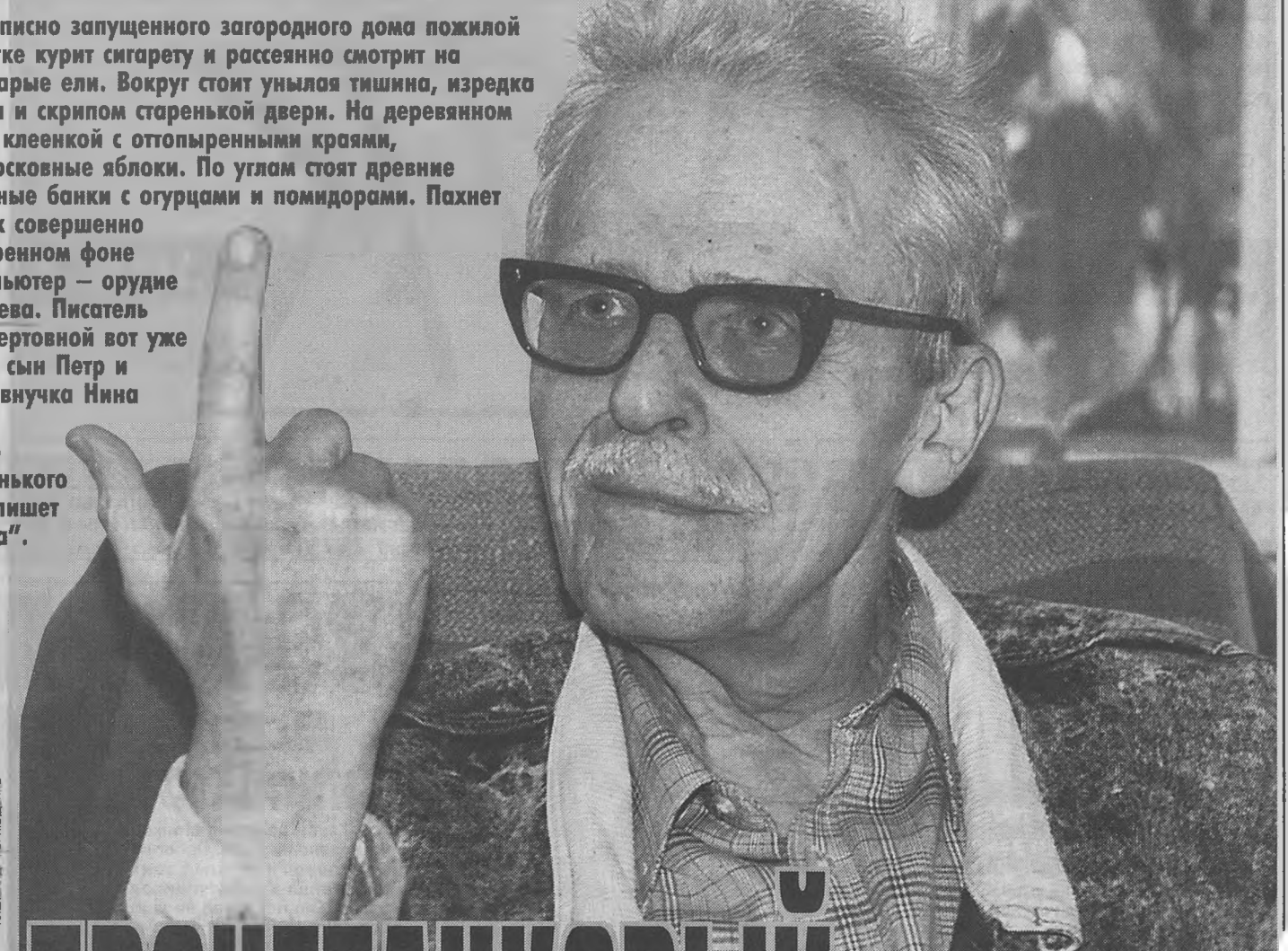
— Я и не собирался становиться писателем. Не потому, что не хотел, а понимал, что это недостойно: чтобы писать, необходимо Божье озарение. В нашей семье сложилось священное отношение к литературе — в буквальном смысле этого слова. Если и была религия — то литература. Сестра старшая моя каждый вечер читала романы, а я, маленький, слушал. Мне с самого начала внушили, что самое дорогое — это книга. Мы часто переезжали из города в город. И всегда брали с собой только мамин чемодан и ящики с книгами. Потому что все остальное уже было на месте — казенная мебель, казенная посуда с пометкой "Красная Армия".

— А стихами в юности не баловались?

— Стихи в юности все пишут. Любый мальчик из более-менее интеллигентной семьи пишет стихи. Ну это же обязательно, что вы. А вот кем я хотел быть — историком. Любил военную историю и русскую. Страшно нравились исторические романы.

— И все-таки вы стали писателем...

— Понимаете, я ощутил некий внутренний конфликт. С конца пятидесятих годов на смену боевым малообразованным офицерам стали придти ребята, которые не воевали, но имели полное высшее образование. Кадровых войск увольняли отнюдь не молодыми, лет по сорок, — куда их девать, что они еще умеют делать? Да ничего! Я сам тогда ушел из армии и решил — не то что решил, а какая-то потребность внутренняя возникла написать обо всем этом. Получился пьеса "Офицер" — слева указано, кто говорит, справа — что говорят; очень просто, как мне тогда казалось. Я отправил ее в Театр Советской Армии. На мое удивление, я сразу же встретился с главным режиссером и ос-

АЛЕКСАНДР КОРНОШЕНКО

БРОНЕТАНКОВЫЙ

АЛЕКСАНДР КОРНОШЕНКО

55 лет вместе.

Борис Васильев: "Мы ехали расписываться на трамвае"

Справка "МК". Борис Васильев родился 21 мая 1924 года. Воевал со школьной скамьи. В 1948 году окончил Военно-техническую академию бронетанковых и механизированных войск Советской Армии. Литературный дебют Васильева состоялся в 1955 году, когда была опубликована пьеса "Офицер". В 1969 году в печати появилась повесть "А зори здесь тихие...". Одноименный фильм, снятый Станиславом Ростоцким, вышел на экраны в 1972 году. Лента номинировалась на "Оскар". Перу писателя принадлежат такие произведения, как "Самый последний день", "Не стреляйте в белых лебедей", "В списках не значился", "Завтра была война", "Были и небыли", "Летят мои кони...", "Неопалимая купина", "И был вечер, и было утро". По его книгам сняли несколько знаменитых фильмов, среди которых: "Офицеры", "Аты-баты, шли солдаты...", "Подсудимый", "Я — русский солдат".

нователем театра Алексеем Дмитриевичем Поповым. Из нашего разговора запомнил лишь одну фразу: "Пьесу пишут, стоя на сцене, а ты ее написав, сиди в партере". Тогда я демобилизовался из армии и начал вместе с театром пьесу переделять. Ее поставили, но вся беда в том, что зарубили после второй премьеры без объяснения причин.

— Что же в ней нашли криминального?

— Сейчас я понимаю почему: внутриармейский конфликт. А армия терпеть не может, когда касаются ее внутренних проблем. Тем более что главный герой в конце погибал. Я вообще склонен к трагическим концам. В итоге пьесу запретили, я оказался не у дел. И тут меня вызвал к себе драматург Николай Федорович Погодин, в то время главный редактор журнала "Театр", и пригласил на сценарные курсы при Госкино, которые он вел с условием, что я напишу сценарий. Я согласился и за полгода написал "Очередной рейс". Его экранизировали на Свердловской киностудии, и там впервые играл Юматов.

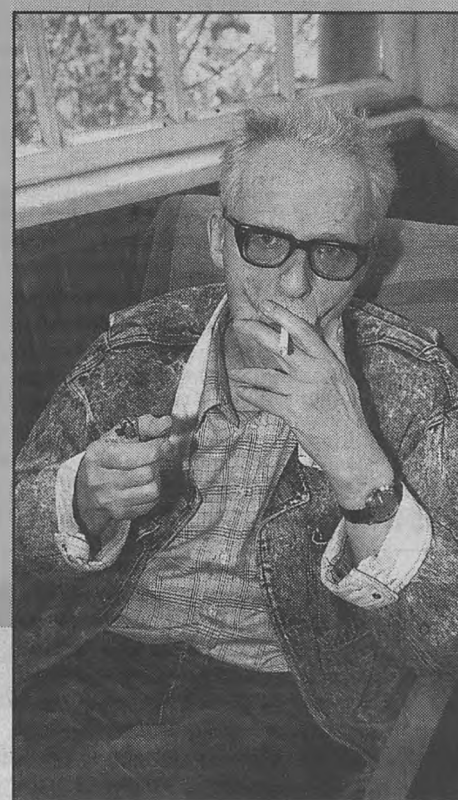
Вот так я стал профессиональным кинодраматургом. Писал сценарии, но чувствовал, что чего-то мне не хватает. Ты создаешь полуфабрикат. Это не твоё. Коллективное творчество — всегда коллективное творчество. И у него есть лидер — режиссер. Именно он все собирает в своих руках и в своей голове, а не автор. А это очень обидно.

— Замучило честолюбие?

— Не то что честолюбие. Просто пишешь одно, а режиссер все выворачивает наизнанку. Тогда я начал очень осторожно и тихонечко писать прозу. Скорее для самого себя. Первая повесть — "А зори здесь тихие..." — имела громовой успех. После нее я понял, что не надо бояться литературы.

— Повесть следует реальным событиям?

— Нет, "А зори..." — чисто литературное произведение, которое говорит о цене победы. Хотя, может быть, эти девушки и существовали. В армии было 300 тысяч женщин. Моя супруга Зора Альбертовна — бывший старший лейтенант.

АЛЕКСАНДР КОРНОШЕНКО

— Вы познакомились...

— В бронетанковой академии. Вместе учились.

— Многие упрекают "А зори..." за чересчур драматический конец: мол, зачем было так жестоко убивать беззащитных девушек?

— Потому что женщина для войны не приспособлена. Нечего ей там делать. Это не ее профессия, не ее менталитет, не ее суть человеческая. Кто мог уцелеть? Только такой же зверь, как и немцы, — Васьков. Потому что он матерый военный. Он знает, как воевать, как прятаться. Он приспособлен для убийства. А женщины — нет.

— Но ваша супруга тоже служила в армии.

— Что делать, стала лейтенантом раньше, чем я. Когда в 1946 году мы ехали на трамвае расписываться, очень интересно смотрелось: я старший сержант, а она — уже лейтенант.

— Вы что-нибудь писали о жене?

— Это мой первый цитат, который более или менее отвечает ее характеру, — Искра Полякова из "Завтра была война". Она и названа так, потому что Зорина фамилия — Поляк. Искра — выдуманное имя, Зоря — тоже.

— Неужели у нее такой сильный характер?

На первый взгляд не скажешь...

— Зоря — человек очень властный и очень целеустремленный — природный лидер.

— В том числе и в семье?

— Конечно. Я спокоен по этому поводу. Есть кому командовать и кому решать. Мое дело — писать, пока могу.

— Зоря Альбертовна читает ваши книги?

— Это мой первый цитат. Если она скажет нет — значит нет. Если ей не понравится, то и не пойдет нигде. У меня кое-что валяется там в столе, не принятое ею. Она мой первый редактор — и самый главный. Я очень доверяю ее вкусу. Зоря любит литературу и прекрасно ее знает. Позволяет мне не опускаться ниже определенного уровня.

— Цензура "Завтра была война" не терзала?

— Десять лет повесть лежала на полке. Я написал ее сразу после "Зори...". Мне предлагали переделывать, но я не стал. И никому не рекомендую, если его заставляют. Просто отложи и пиши что-то другое: если вещь действительно стоит того, то ее напечатать рано или поздно.

— Карьере такая непокорность не помешала?

— Свою карьеру писатель делает сам. К тому же "Юность" меня, своего любимого автора, печатала всегда. Это первый журнал, куда я отправил "А зори здесь тихие..." просто в конверте. Помню, спустя пару дней раздается звонок в семь часов утра: "Почему вы прислали второй экземпляр?". Я: "Потому что первый мог потеряться". Из трубки: "Вы никому еще не давали вашу повесть?". Я: "Нет, никому". Из трубки: "Тогда мы вас ждем сегодня".

Борис Полевой сделал мне ровно три замечания. Первое — предложил убрать шмайсеры: "Напиши 'автомат' — кто сейчас шмайсер вспомнит". Потом фразу "под еловым корневищем" Полевой поменял на "под еловым выворотком". И последнее замечание: "Ради бога — название! Ради бога! Ставлю бутылку коньяка тому, кто придумает название". В моем варианте повесть называлась "Весна, которой не было". Имеется в виду весна девочек. Ну, Полевой сказал, и мы с его заместителями Нэлли Озеровой и Исидором Викторовым сели и стали зарабатывать бутылку коньяка.

— И как, заработали?

— Да, Исидор Григорьевич заработал, но расплатились мы его вместе. Я тогда любил выпить.

— Вы часто вмешиваетесь в съемки картин по своим книгам?

— Да нет. Просто мы были очень дружны со Стасом Ростоцким и писали вместе сценарий "Зорь...". И это единственный, пожалуй, случай, когда я так тесно сотрудничал с режиссерами.

А с "Завтра была война" вообще очень смешно получилось. Утром мне позвонили: "Борис Львович, вас беспокоит выпускник ВГИКа Юрий Кара. Я прошу вас посмотреть мою картину". Я: "Какую картину?". Он: "Завтра была война". Мне показалось обидным, что до сих пор он у меня ни о чем не спрашивал. Обычно режиссеры интересуются моим мнением. Ну, думаю, ладно, проглочу, и примчусь на просмотр. Народу набилось — полный зал. Мать честная! Все режут, и я реву.

После показа у всех возник единственный вопрос: "Юрка, как ты умудрился снять картину на 50 тысяч рублей?". Он отвечает: "А я ничего не платил актерам. К каждому из них приехал, попросил почитать сценарий и обратить внимание на такую-то роль. Сказал, что даже пробовать не буду, только платить не стану. Те: "Да, ладно!". Вот так он и умудрился снять за копейки полнометражную картину, которая в итоге получила много призов.

— Есть ли такие экранизации, которые вам не понравились?

— Конечно. Признаться, мне не очень понравилась работа Андрея Малюкова "Я — русский солдат" по роману "В списках не значился". Для меня этот роман совершенно особый, потому что к Брестской крепости я всегда относился очень трепетно. Мы с Зорей прожили неподалеку два месяца, когда никакого мемориала дурацкого там еще не было. Сама по себе крепость — памятник. Ходили туда каждое утро, как на работу, — все хрустело под ногами от осколков и костей...

— А чем вам не угодил фильм?

— Понимаете, нельзя снимать одну серию из этого романа. Я режиссера предупреждал. Получился мясорубка — ничего не поймешь. Характеров нет, все исчезло. Леня Быков очень хотел поставить "В списках не значился", но, к сожалению, погиб.

— А как вам актеры?

— Там только одна хорошая девочка. Не помню, как зовут.

— А в "Зорях..." какая из девушек вам приглянулась больше всего?

— Оля Остроумова. Я ее сам нашел и предложил Стасу Ростоцкому. Весьма интересная история. Ростоцкий Олю уже снимал в "Дождиком до понедельника" и даже не пробовал ее в "Зори...", потому что для него она оставалась девочкой из девятого класса. И вот мы со Стасом идем по длинному коридору студии Горького. Тут распахивается дверь, оттуда с хохотом вылетает какая-то рыжая красавица: "Ой, извините, Станислав Федорович" — и убегает. Я спрашиваю Ростоцкого: "Кто это бежит?". Он: "А, это Оля Остроумова". Я: "Дурак, Стасик, это Женя бежит". Действительно, очень хорошая актриса — сыграла лучше всех.

Мы с Зорей прожили неподалеку два месяца, когда никакого мемориала дурацкого там еще не было. Сама по себе крепость — памятник. Ходили туда каждое утро, как на работу, — все хрустело под ногами от осколков и костей...

— Почему после "Встречного боя" вы больше ничего не писали о войне?

— Я решил, что исчерпал эту тему. Вообще я считаю, что самая большая моя литературная работа — четырехтомник о семье Алексиных — предках моей матушки. Я им фамилию изменил с Алексеевых на Алексиных, чтобы никто не смог придраться к историческим подробностям. Вот мой прапрапрапрадед — генерал-лейтенант Алексеев Илья Иванович — герой войны 1812 года. Он есть в военной энциклопедии и в галерее "Герои 1812 года" в Эрмитаже. У него был сын Сашка Алексеев — приятель Пушкина, картежник, дуэлянт, бретер, черт знает что. Как-то Пушкин дал ему на сохранение преследуемый цензурой полный текст "Андрея Шенье", который у него нашли. Сашка стал говорить, что был пьян, и какой-то пьяный офицер расправился с ним за картонный проигрыш стихами. А чьи они, мол, знать не знаю, даже не читал. Так вот, за все эти художества его разжаловали из поручиков в рядовые и отправили на Кавказ. А через год он вернулся оттуда с крестом на шее и снова поручиком.

— Борис Львович, вы читаете современных авторов?

— Знаете, у меня есть один писатель, которого я читаю регулярно. По крайней мере, раз в два года от корки до корки. Для меня его произведение — энциклопедия литературы, образец, как надо писать. У него удивительно точное распределение добра и зла. Кто он? Диккенс, конечно!

Дмитрий Гусев.